

Сомсиков А.И.

Евангельские отражения в народных сказках

Сказочные сюжеты в свете Новой Хронологии Фоменко-Носовского

Евангельские мотивы, подобно ракете, рассыпавшейся на множество искр, попали в различные повествования, включая народные сказки.

Сущностью сказки является выражение *несогласия* с жизненными реалиями, выражаемого посредством словесной «победы».

Это свойственно психологии человека. Поражение, выдаваемое за победу, победа, принимаемая за поражение.

Сказка имеет сновидческий характер. В ней логика не существенна. Любые объекты могут стать действующими наравне с героем. Он подвергается множеству испытаний. Но как бы ни складывались обстоятельства, сон в конце концов рассеивается, и все оказывается «как прежде». Погибший герой оживает без всякого для себя ущерба, а злодей или оппонент бесследно исчезает. Конечная победа сказочного героя соответствует его пробуждению.

Вероятно, это должно служить утешением. Поэтому в сказке на помощь герою приходит все силы одушевленной и неодушевленной природы. В ней Христос-Персей (соответствие Христа Парису см. [1], соответствие Париса Персею - [2] с.492 – 504) не погибает ужасной смертью, а наоборот побеждает, причем не только в духе, но и в теле, после чего заслуженно и счастливо женится, живет долгой жизнью, имея много детей. Равно как и Чапаев не тонет в реке, а выбирается, прихватив на память рояль. Все это вполне может быть реальной историей, но лишь *в сослагательном наклонении*.

Это, однако, относится не только к сказке.

Сами Евангелия, хотя и не считаются сказкой, тоже содержат идею конечной победы через сказочный сюжет воскрешения, соответствующий появлению героя из кипящего котла целым и невредимым, и даже ставшим краше прежнего.

История, считающаяся уже наукой, тоже содержит эти сновидческие утешительные исправления. Крупнейшее из них – изъятие Средневековой Руси. В качестве великой империи, наследницы первого (византийского) Рима [2] (с. 3). Оно задано установкой, гласящей: «пропади она пропадом» (из учебников), «а, чтоб ей провалиться» (во времени). Даже ценой умолчания великой победы Запада, состоящей в ее разгроме ХУП в. и фактической колонизации. Когда отправлялись на Русь «на ловлю счастья и чинов» в точности так же, как в Африку или Индию. С тем же презрением к «туземцам» и их наречию.

Об этом говорится только намеками. Например, во «Властелине колец» [3], где Запад *чуть было* не побежден Мордором, но в последний момент чудом спасся посредством точечного удара. Момент чуда – обязательный элемент сновидческих повествований.

Этим раскрыта *главная тайна истории*. Она заключается в существовании имперской Руси и владении ею Западом. Представленном в виде *чуть было* не победившего Мордора, т.е. по-прежнему в сновидческом исправлении.

Включение в состав развернутого сказочного повествования незначительного по объему, хотя и яркого евангельского фрагмента в известной мере маскирует его происхождение, делая его не сразу узнаваемым. Этому также способствует прием переодевания героя с изменением его внешнего вида, имени и окружения.

Таков, например, мотив невесты-царевны, «злодейски» спрятанной взаперти в высоком терему, откуда ее похищает *Иван Царевич* – тема народных сказок, восходящих к архетипу Персея или Париса.

Другой мотив связан с евангельскими искушениями или судом Париса. Это сюжет витязя на распутье, остановившийся перед камнем с устрашающей надписью «рок».

Перед ним открываются три пути. На одном написано Власть, на другом - Знание, на третьем - Любовь. Выбор одного пути *исключает* два другие. Любой из них предлагает одну награду за две утраты.

В различных вариантах рассказа перечень плюсов и минусов обычно не полон.

В одном случае перечисляются только плюсы (приобретения или награды). Это вариант Париса. Минусы не упоминаются и лишь подразумеваются. Они становятся очевидными только в дальнейшем. Как следствие «неверного» выбора, причем очевидно, что любой возможный выбор оказывается неверным по-своему.

В варианте Персея это дано более полно: Знание или Власть ценой утраты молодости [4], подразумеваемой Любовью. И только в выбранном варианте Любви, по виду наиболее безопасном, умалчивается какая-либо утрата. Явно затем, чтобы помочь или подтолкнуть к «правильному» выбору.

В другом случае могут перечисляться одни только минусы (наказания или потери). Это вариант витязя на распутье.

Некоторые варианты текста искажены до нелепости, например, васнецовский: «Как пряму ехати – живу не бывати – нет пути ни прохожему, ни проезжему, ни пролетному; направу ехати – женату быти; налеву ехати – богату быти» Рис. 1.

Рис. 1. В.Васнецов. «Витязь на распутье».

Тут, видимо, дважды утрачена форма отрицания: «женату *не* быти», «богату *не* быти».

Это могло быть также и тенденциозным редактированием, настроенным на пренебрежительное отношение к прошлому. Что-то в нем историков не устраивает. А после исследований Новой Хронологии можно даже сказать, что именно. Русь или вернее, само ее существование. Автоматически вызывающее отрицательную реакцию.

Сменой династии, вероятно, датируется время появления и распространения *публикаций* так называемых «народных» сказок с заменой совмещаемого с Христом *Ивана-царевича* *Иваном-дураком*.

Здесь явно речь идет об Иване IV, он же Василий Блаженный, а для победивших его врагов – *Иван-дурак*.

Это явный след смены исторических обстоятельств.

Не Михаил или Алексей, а именно Иван-дурак. С учетом распространенности этого повсеместно почитаемого *сакрального* имени – метафорически обобщенного как русского Ивана. Так может воспринимать только правитель, не отождествляющий себя с чуждым ему народом.

Таков же след и Емельяна «Пугача» в следующих по времени *публикациях*.

Здесь и «народная» пословица: «мели Емеля, твоя неделя».

И снова знакомый персонаж: лежебока и бездельник - Емеля-дурачок.

А.Я. Пропп пытался придать этим текстам какую-то осмысленность, рассматривая их как исторический источник [5]. В русле филологических рассуждений Фрезера [6] об инициации «дикарей».

Впрочем, самой истории в них не много. В исходном виде они, конечно, не были образцами нелепости. Они отражают определенное мировоззрение с определенной логикой мысли и действий.

Другие редакции (А.Н. Афанасьев) более осмысленны и ближе к исходному оригиналу: «Кто поедет от столба сего прямо, тот будет голоден и холоден; кто поедет в правую сторону, тот будет здоров и жив, а конь его будет мертв; а кто поедет в левую сторону, тот сам будет убит, а конь его жив и здоров останется» [7].

Исходный же оригинал был, видимо, краток и здоров и значил примерно следующее: «Направо пойдешь – коня потеряешь. Налево пойдешь – жену? потеряешь. Прямо пойдешь – жизнь потеряешь». Вот это действительно не простой выбор. Есть ли вообще смысл двигаться дальше? По любому из предлагаемых направлений. Куда ни пойдешь, обязательно что-нибудь потеряешь.

Ясно, что при таком чисто негативном раскладе нет вообще смысла двигаться дальше ни по какому пути. А поскольку движение все-таки состоялось, это значит, что были предложены не одни только минусы (наказания), но и соблазны (стимулы или плюсы).

Не одними только издержками, но и приобретениями манят эти пути.

Сначала остановимся на потерях.

Путь вправо сулит «потерю коня». Что за «конь» имеется в виду? Тот, на котором сидит сам витязь? Потерять его, конечно, досадно, но это ведь боевой конь, его потеря дело житейское. А что если он вообще пришел и остановился пешком? Как это приписывается евангельскому Христу. Это проблема выбора жизненного пути, стоящая перед любым человеком, независимо от наличия или отсутствия у него коня.

Ясно, что имеется в виду вовсе не конь как животное, а важное для витязя положение. Поименованное метафорой «быть на коне». Т.е. быть наверху. Проще говоря, находиться у власти. А «потеря коня» метафора, означающая потерю власти. Следовательно, речь идет о соблазне властью, в данном случае в виде наказания – ее утратой. Т.е. *этот путь не сулит власти*. Значит, остаются два варианта - Любовь или Знание.

Путь влево. Грозит потерей жены. А витязь-то, между прочим, может еще и не женат вовсе. А то бы супруга так просто его отпустила искать на свою голову приключений. Что напоминает размышления Чичикова о его еще не родившихся детях. Это тоже метафора, а не действительная потеря. Это *путь, не сулящий любви*. Остаются Власть или Знание.

А третий путь обозначен максимальным наказанием – жизнь потеряешь. Так чем же вообще он может привлечь? Какая награда может быть предложена взамен, чтобы можно было решиться двинуться именно по такому пути? Даже ценой «высшей меры».

Перечень предлагаемых наград тоже известен. Это Знание, Власть и Любовь.

Гибельный путь не сочетается с Властью или Знанием, поэтому он может быть только вариантом Любви. Это путь прямо. Выбор Любви.

Направо лежит путь «потери коня». Там, где нет Власти, возможна Любовь или Знание. Поскольку Любовь уже занята и принадлежит прямому пути, то для пути вправо остается только Знание. Это выбор Знания.

Для Власти остается единственный третий путь. Налево. Там, где нет Любви. Путь «потери жены». Выбор Власти.

Выбор Любви в варианте Париса в конце концов приводит его к гибели во время Троянской войны.

Христос тоже гибнет по той же причине еще до ее начала. И только Персей, как считается, не гибнет и даже сохраняет царскую Власть, хотя о Знании уже не упоминается. Это совмещение несовместимого и чисто сказочный вариант.

Отметим еще возможную связь этой картины выбора со средневековой трехчастной «картой мира» [2] (с. 505 – 506). Возможно, она и есть этот надписанный «камень преткновения», лежащий перед героем. В ней тоже имеется три «дороги». Одна ведет прямо в Константинополь-Иерусалим-Трою. Это гибельный путь и одновременно путь любви. Путь Власти - влево. Там, где находится Русь и видимо пока еще сам герой. Путь вправо – Египет. Это путь жреца с его тайными знаниями. Такие предлагаемые пути и варианты судьбы. Выбор, конечно, не для простого человека.

Поскольку тематика витязя на распутье определенно связана с искушениями Христа или судом Париса, рассмотрим и другие фрагменты этой же сказки. Нет ли и в них каких-то евангельских ассоциаций.

Сказка начинается сообщением о некой «Жар-птице», повадившейся клевать зерно (в сказочном варианте - золотые яблоки) с нашего поля. Кроме того, существует народное выражение о «жареном петухе», который может клонуть. А в современной песенке он упоминается уже как некая «птица счастья». Когда-то это были вполне понятные рассказчику и его слушателям метафоры, но что для нас они могут означать? Очень напоминает византийский герб, представленном как раз такой невиданной двухголовой *птицей*. Вообще-то она называется двухглавым орлом, но для людей, у которых такой орел повадился склевывать чуть ли не все выращенное зерно, он может иметь и менее почтенное прозвище. Например, петуха.

Но почему «Жар» птица и «жареный» петух? Можно предположить, что официальные императорские регалии, включая герб, были золотыми. Подобно предметам, возложенным на Тутанхамона. А золото, имеющее желтый цвет, легко ассоциируется с раскаленным до желтизны куском металла. Который можно было увидеть у кузнецов. Отсюда – идея жара. Золото как жар горит.

Таким образом, метафора предположительно раскрывается следующим образом: «в некотором царстве в некотором государстве, именуемом Византийской империей, в состав которого входила и Русь, золотой имперский орел повадился *слишком часто* зерно на Руси клевать».

И надо бы его поймать или ухватить за хвост, чтобы призвать к ответу.

А вырванное золотое перо из хвоста «Жар-птицы» означает некую «частицу счастья», выпавшего на долю героя. Но дело в том, что эта частица его не устраивает. Ему нужно большее, в идеале заполучить все целиком. Речь, таким образом, может идти об императорской власти. А идеологическим обоснованием его выступления служит несправедливость взимания слишком частых или больших налогов. С обещанием это исправить при обретении царской власти.

Он размышляет об опасностях планируемого предприятия. Наступает эпизод витязя на распутье.

Далее следует его путешествие по выбранному «прямому пути». С обретением сказочного коня и столь же необыкновенной жены, иногда прямо называемой прекрасной Еленой (как у Париса) или же уклончиво Василисой (т.е. царицей) прекрасной или премудрой.

Где его может ждать некая «избушка на курьих ножках». Которая *не так стоит*. И должна повернуться к герою передом, а к лесу задом. Здесь перед нами снова метафоры. «Курьи ножки» могут быть непривычными на Руси колоннами. А дом на курьих ножках – украшенный колоннами царский дворец. Необходимость требуемого поворота «избушки», вполне объясняется выражениями «отвернулась от меня удача» и «удача повернулась ко мне лицом». Это своего рода заклинание или молитва перед вступлением во дворец. Соответствующее современному «ну, Господи благослови!»

Заметим еще, что что-то нам мало известное, например, ситуация в царском дворце обычно называется «темным лесом».

В «избушке» обретается некая «баба Яга, костяная нога». Прежде всего, она брезгливо заявляет, «фу-фу», чтобы тут «и духу русского не было». Это уже не метафора, а прямое угрожающее заявление типа «чтоб духу *твоего* здесь не было». Легко предположить, что этот некто, прибывший из Руси, встречен очень нерадостно в царском дворце. Там есть надо думать и другие, более привычные или желанные персонажи.

Прежде всего, что означает ее имя. Баба есть просто особа женского пола. А вот Яга это уже явно восточное «ага», вероятно бывшее в ходу не только в Турции, но и до нее, еще в Византии. Собственно означающее «госпожа, хозяйка». Дворца, надо думать, т.е. просто царица. А в случае, если в ходу была не одна, а много жен (видимо это и обозначено прибытием героя, тоже имеющего царственное происхождение, но от другой жены), то, вероятно, это старшая или главная жена. Своего рода начальник гарема. «Господин назначил меня любимой женой».

Ее «костяная нога» это обидное прозвище, намекающее на ее старость и высохшие «костяные» ноги. «Ездит в ступе, помелом подметает». Это может быть враждебное описание обычного перемещения знатной особы в носилках, названной «ведьмой в ступе». Что касается подметания помелом, то это может быть из области уже эзотерических представлений. Когда опасались «взятия следа» с целью нанесения магического ущерба [6] (с. 49). Может быть именно поэтому и применялось транспортирование знатных особ на носилках, чтобы не оставлять на земле своего следа. А при движении во дворце применялось длинное волочащееся по земле платье, имеющее функцию «заметания следа». Длинный подол или платье с волочащимся шлейфом, обозванное «помелом».

Итак, героя встречает главная или старшая жена царя. Без всякой радости, поскольку у нее есть, конечно, свои дети, уже законные наследники престола, а этот вновь прибывший сын от какой-то побочной жены или даже просто наложницы, ничего иного, кроме понятной обеспокоенности, вызвать не может. Все ее мысли вертятся вокруг желания ликвидации этой неожиданно возникшей проблемы. Как фактора неопределенности, вновь возникающих и распадающихся временных союзов.

Наш герой ей дипломатически отвечает: ты меня сначала напои, накорми, спать положи, а уж потом спрашивай, зачем я сюда явился. И та, о чудо, выполняет эти «нелепые» просьбы. Вполне естественно это же все-таки принц, царя-батюшки сын. Прямо и грубо прикончить его на глазах отца никто бы и не решился. Тут нужно действовать «тоньше».

В общем, она готова его заживо изжарить и съесть. Что и подтверждается прямым текстом сказки.

В разных вариантах сказки это происходит тоже по-разному, но сказочный итог неизменен. Герой, брошенный в печь или в кипящий котел или изрубленный до смерти, скажем, во сне, не только не погибает, но и становится еще краше, а погибает сама задумавшая эту комбинацию «баба». Иногда герой все-таки погибает, но только не окончательно, чтобы пройдя обработку мертвой и живой водой, воскреснуть краше прежнего.

В египетском варианте истории Христа-Озириса его тело для верности даже разрубается на много частей, разбрасываемых в разных местах. Так что их нужно еще

предварительно собрать и сложить, чтобы затем уже окропить мертвой водой для их чудесного соединения. Притом там активно действует сын Христа-Озириса по имени Гор (Горгий-Георгий-Юрий?), который предъявляет счет обидчикам своего отца. Наличие у Христа не только жены, но еще и взрослого сына, мстителя за отца, в евангелиях уже вовсе не упоминается.

Сказка неизменно завершается свадьбой и последующим счастьем в довольстве и благополучии многие лета до конца дней своих.

Таково народное восприятие евангельского сюжета. Здраво в части понимания простого человеческого счастья. И сновидчески - в части путей и средств его достижения.

Литература.

1. А.И. Сомсиков «Искушения Христа и суд Париса»
<http://www.sciteclibrary.ru/rus/catalog/pages/8513.html> .
2. А.Т. Фоменко «Античность – это средневековье». Санкт-Петербург. Издательский дом «Нева», 2005.
3. Дж.Р.Р. Толкин «Властелин колец». Санкт-Петербург. Издательство «Азбука», 2000.
4. Ф.Ф. Зелинский «Сказочная древность Эллады». Изд. Московский рабочий, 1993, с.50, 55.
5. А.Я. Пропп «Исторические корни волшебной сказки». Москва. Изд. «Лабиринт», 1998.
6. Д.Д. Фрезер «Золотая ветвь», Москва, Изд. политической литературы, 1984.
7. <http://hobbitaniya.ru/afanasyev/afanasyev105.php> .